

«Интересы ребенка»: проблема определения в социальных науках

АЛЕКСАНДРА А. МАРТЫНЕНКО

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-8561-3006

<https://doi.org/10.22394/2074-0492-2023-4-21-47>



Рекомендация для цитирования:
Мартыненко А. А. (2023) «Интересы ребенка»: проблема определения в социальных науках. *Социология власти*, 35 (4): 21–47.

For citations:
Martynenko A. A. (2023) "The Best Interests of the Child": the Problem of Definition in Social Sciences. *Sociology of Power*, 35 (4): 21–47.

Поступила в редакцию: 22.10.2023;
принята в печать: 15.12.2023
Received: 22.10.2023; Accepted for publication: 15.12.2023

Copyright: © 2023 by the author.

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Резюме:

В статье анализируются подходы к определению «интересов ребенка» как понятия и принципа, возникшего в контексте международного применения Конвенции о правах ребенка. «Интересы ребенка» не имеют четкого определения и становятся открытым к наполнению и интерпретации понятием. Представления о том, что значит действовать в «интересах ребенка», могут заключаться подчас в противоположных практиках в зависимости от того, кто именно исполняет действие. В статье рассматривается возникновение понятия «интересов ребенка» в качестве одного из принципов Конвенции о правах ребенка, отмечено различие между «мнением» ребенка и его «интересами», которые соотносятся между собой в зависимости от подхода к осуществлению детских прав. Дается краткий обзор критических работ, посвященных понятию «интересов ребенка»: это понятие критикуется за бессодержательность и умаление прав детей относительно прав взрослых. Еще одна линия дискуссии связана с возможной заменой этого понятия другими более точными и релевантными концепциями. Одновременно с этим теоретические разработки из области социальных наук позволяют контекстуализировать детство и представления об «интересах детей» во временных, социальных и культурных рамках. Внимание уделено и российской практике инкорпорирования понятия и принципа «интересов ребенка» в рамках политического контекста. Автор соотносит «интересы ребенка» с понятием рационализированного мифа, предложенного Дж. Мейером и Б. Роуэном для исследования необходимых структурирую-

щих элементов для деятельности организаций. «Интересы ребенка» в этой перспективе предстают необходимым элементом рационализации действий разных акторов в отношении детей.

Ключевые слова: защита детей, детство, интересы ребенка, рационализированный миф

Alexandra A. Martynenko

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-8561-3006

“The Best Interests of the Child”: the Problem of Definition in Social Sciences

Abstract:

The article analyzes some possibilities of defining the “best interests of the child” as a concept and principle that arose in the context of the Convention on the Rights of the Child. The “interests of the child” do not have a clear definition and become open to different interpretations. Ideas about right actions towards the “interests of the child” can vary on the level of practices, depending on the actor or group of actors. The article examines the emergence of the concept of “the interests of the child” as one of the principles of the Convention on the Rights of the Child, and notes the difference between the “opinion” of the child and their “interests”, which relate to the implementation of children's rights. The article provides a brief overview of critical works on the concept of “child interests” — and discusses findings from the field of social sciences — that help contextualize “childhood” and ideas about “children's interests” through a social and cultural framework. The author suggests conceptualizing of the “interests of the child” as a rationalized myth in the terms of J. Meyer and B. Rowan.

Keywords: child protection, childhood, the best interests of the child, rationalized myth

Введение

В январе 2024 года группа российских депутатов внесла на рассмотрение в Государственную думу законопроект, который закрепил бы в Семейном кодексе РФ понятие «интересы ребенка»¹, не имеющее определения. Впрочем, отсутствие точных формулировок «интересов ребенка» характерно не только для российской правовой системы — принятые в качестве одного из основных принципов Конвенции о правах ребенка «интересы» тем не менее

1 Законопроект № 534677-8 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации». https://sozd.duma.gov.ru/bill/534677-8#bh_histtras (дата доступа: 18.02.2024)

не определены даже в таком основополагающем для международной практики документе. Согласно принципу «наилучших интересов ребенка» (the Best Interest of the Child), любая ситуация, касающаяся соблюдения прав ребенка, должна разрешаться с учетом его или ее наилучших интересов — но как именно следует их определять, не объясняется. Применение принципа соблюдения «наилучших интересов» критикуется за отсутствие ясного определения, которое, в свою очередь, открывает слишком широкие возможности для субъективных интерпретаций [Eekelaar 2002; Elster 1987; Fortin 2006; Reese 1996].

Россия, подписавшая Конвенцию о правах ребенка в 1991 году, также включила в свой правовой дискурс это понятие, оставив его без общего определения для всех субъектов Федерации. В связи с этим деятельность законодателей в попытке закрепления однозначного толкования термина понятна — «интересы ребенка» остаются привлекательно пустым термином, легко поддающимся интерпретациям как на уровне отдельных регионов, так и в повседневной практике социальных служб, уполномоченных по правам детей и даже родителей.

Взрослые склонны аргументировать конкретные решения по поводу ребенка как продиктованные его интересами. В «интересах ребенка» можно дать подзатыльник за двойку — согласно этой логике, это поможет ему вырасти человеком. Написать заявление в полицию и органы опеки из-за детского крика за стеной — действие в «интересах ребенка», направленное на его защиту и продиктованное общественным долгом, коллективной заботой о детях. Осмотреть квартиру семьи и забрать ребенка в детский дом, несмотря на плач и крики родителей и детей, — действие в «интересах ребенка» с перспективы сотрудников служб защиты детей и нарушение этих «интересов» с точки зрения семьи. Выбрать вегетарианскую диету для ребенка с рождения, выводить сына или дочь на мороз для закаливания — тоже действовать в «интересах ребенка». Ребенок же, полагают взрослые, не понимает, что «на самом деле» в его интересах, и действуют сообразно своим собственным представлениям о благополучии детей в настоящем и будущем.

Таким образом, «интересы ребенка» производятся взрослыми с учетом их представления о детском благополучии, подчас противоположными как в идеологическом, так и в практическом измерении. Как правило, «интересы ребенка» возникают в коммуникативных ситуациях не сами по себе, а в паре с глаголами: их обеспечивают, защищают и соблюдают, в «интересах ребенка» действуют. Действия того, кто преследует цель учсть и защитить «интересы ребенка», соотносятся с представлениями действующего субъекта или группы о том, что является наиболее важным элемен-

том благополучного детства: возможность не разлучаться со своей семьей? Быть защищенным от психологического или физического насилия? Быть хорошо одетым и качественно питаться? Получать возможности для развития и образования? Действия в «интересах ребенка» определяются и диспозицией субъекта: от лица кого он выступает с защитой ребенка, к какой культуре, классу и группе относится и какой результат хочет получить от своих действий. Эти контексты задают рамки для интерпретации понятия «интересы ребенка».

«Интересы ребенка» становятся своего рода терминологическим воздушным шариком, который наполняется — намеренно или нерефлексивно — тем, кто его надует. В этом смысле данное понятие не уникально — процесс переговоров и терминологических уточнений понятий непрерывно идет по поводу тысячи слов. Однако именно этот туго надутый шарик особенно громко лопается в публичных спорах. Детство и дебаты о нем становятся особенно заряженным дискурсивным полем, открытым для споров в тех обществах, где политические дискуссии в других сферах становятся невозможными.

24

Российские депутаты, инициаторы законопроекта, полагают, что «интересы ребенка» заключаются в «создании ему условий, необходимых для его жизни и благополучного развития в соответствии с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями». Текст законопроекта также разделяет «интересы» относительно разных степеней превосходной формы прилагательных на «наивысшие» и «важнейшие». Так, наивысшими интересами ребенка являются защита его жизни и здоровья и сохранение детско-родительских отношений. К числу важнейших же относятся крепкая семья и сохранение брака родителей; формирование и сохранение в глазах ребенка авторитета родителя; управление, руководство родителем ребенком и контроль над ним; воспитание в родной семье, обоими родителями. Отмечается и «сохранение на весь период детства индивидуальности ребенка», а также «реальная возможность» ребенка перенять жизненный опыт, мировоззрение, религиозный опыт и иные убеждения родителей и семьи. Последним пунктом важнейших интересов ребенка является «получение воспитания и образования, основанного на традиционных российских духовно-нравственных ценностях».

Даже простое перечисление уточняющих «интересы ребенка» категорий из приведенного законопроекта помогает эксплицировать определенную политическую повестку, которая предполагает помещение «интересов ребенка» в контекст прежде всего семейных отношений, где дети выступают частью мира взрослых, которые обеспечивают его развитие в соответствии с культурно-конвенцио-

нальным набором ценностей, считающихся традиционными [Российская семья и благополучие детей 2021; Ловцова 2003].

В статье будут показаны некоторые возможности определения не столько самого понятия «интересов» (что, как уже было сказано, составляет некоторую проблему), сколько те контексты, которые влияют на их наполнение, а также дебаты о необходимости использовать их в качестве принципа действия. Первая часть статьи будет посвящена «интересам ребенка» в дискурсе прав человека и критике этого понятия. Вторая часть текста будет посвящена краткому обзору результатов ключевых исследований в социальных науках, которые позволяют контекстуализировать детство — а значит, и представления об «интересах детей» — в конкретных временных, социальных и культурных рамках. В третьей части, вместе с кратким обзором некоторых подходов к определению «интересов ребенка» в России, я попытаюсь соотнести их с понятием «рационализированного мифа», предложенного Дж. Мейером и Б. Роуэном.

В научной дискуссии и публичных дебатах «интересы» включают в себя такие понятия, как благополучие и безопасность ребенка, «правильное» с различных точек зрения родительство, права ребенка. В данной статье я также буду использовать эти понятия как синонимичные «интересам ребенка» для того, чтобы подчеркнуть их потенциал охвата сразу нескольких дискурсивных полей и особую податливость при интерпретации в каждом конкретном случае употребления. Следуя антропологическому подходу, я намеренно помещаю понятие «интересы ребенка» в кавычки, предполагая, что их трактовка варьируется в зависимости от социальных, политических, культурных и индивидуально-семейных контекстов.

Вне фокуса остаются такие важные области толкования «интересов ребенка», как политология, юриспруденция, педагогика, профессиональная область социальной работы. Кроме того, следует отметить, что акцент на англоязычных исследованиях этого понятия продиктован логикой его возникновения в «европейских» кабинетах Комитета по правам ребенка, где «интересы» имеют длительную традицию исследования. Однако в статье будут рассмотрены и некоторые особенности использования и интерпретации понятия «интересы ребенка» в российском правовом поле.

«Интересы ребенка» в дискурсе прав человека

В 1959 году Генеральной Ассамблеей ООН была принята Декларация прав ребенка, которая установила основные принципы отношения государств — участников ООН к несовершеннолетним гражданам: оговаривалось право ребенка на имя, здоровый рост и развитие,

защиту от дискриминации по религиозному, национальному и социальному признакам¹. В этом же документе в качестве одного из принципов при внесении новых законов государствам предлагалось учитывать при этом «наилучшее обеспечение интересов ребенка».

В 1978 году эксперты из Польши предложили ООН принять новый документ — Конвенцию о правах ребенка — и приурочить ее к 20-летию существования Декларации, которую предлагалось взять как основу для нового текста Конвенции. Работа над текстом заняла 10 лет, поскольку потребовала сложных переговоров между странами-участницами. Сегодня основной международный документ, призванный защитить права детей и обеспечить соблюдение их «интересов» — Конвенция о правах ребенка, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1989 году и на данный момент подписанная всеми государствами мира (за исключением США)². Характер этого документа предполагает, что каждый из пунктов утвержден путем обсуждения и договоренностей между странами-участницами. В результате соглашений были утверждены и четыре статьи Конвенции, которые в настоящее время считаются общими принципами в основе договора: Статья 2 о запрете дискриминации детей «независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального, этнического или социального происхождения»; Статья 6 о праве на жизнь, выживание и развитие; Статья 12 о праве быть услышанными и Статья 3 о наилучшем обеспечении «интересов ребенка»: «Во всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка»³.

Возведенное в *принцип обеспечения прав детей* понятие «интересов ребенка» породило проблему разночтений при отсутствии четкой

1 Декларация прав ребенка: (провозглашена резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи от 20 нояб. 1959 г.).

2 United Nations General Assembly (20 November 1989). “Text of the UN Convention on the Rights of the Child”. UN Office of the High Commissioner for Human Rights. На территории России Конвенция вступила в силу 15 сентября 1990 года, то есть в тот период, когда переживающему обновлению государству необходимы были международные соглашения.

3 Конвенция о правах ребенка (принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 нояб. 1989 г. Вступила в силу 2 сент. 1990 г.). Статья 3. (https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml) Дата доступа: 18.02.2024.

формулировки. Комитет по правам ребенка¹ при подготовке право-применительных комментариев не сформулировал окончательного определения в подготовленном «Замечании общего порядка о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов». Однако авторы комментария настаивают на контекстуализации каждого случая, когда необходимо провести оценку этих «интересов» (п. 11 Замечания)². Иными словами, определять универсальный принцип нужно исходя из очень конкретной и индивидуальной ситуации, уделяя много времени и детальному разбору ситуации с участием детей. Только такое применение принципа, которое предполагает выход за рамки строгой формальной процедуры права, сможет соблюсти права ребенка. Выход из этого замкнутого круга универсального принципа в индивидуальных условиях пытаются найти специалисты из разных областей знания: как определить понятие, которое одновременно предельно универсально и столь же индивидуально? Когда «интересы ребенка» стали руководством к действию для судей, социальных работников и других сотрудников системы защиты детства, вопросов стало больше.

Не случайно и то, что понятие «интересов» в дискурсе о правах человека применяется только к детям, что указывает на специфику именно детских прав и особенности их «интересов». В Конвенции по правам человека, выделяющей такие аспекты, как право на жизнь и свободу, в частности свободу убеждений и их свободное выражение, право на труд и образование, эти принципы применяются ко взрослым. В то время как право на свободу, следование своим убеждениям слабо применимо к детям — в этом случае свобода ставится под вопрос. Базовые принципы в случае прав детей начинают бесконечно дробиться, а каждый случай контекстуализируется принципом действий в «интересах ребенка». Кажется, что именно фигура ребенка требует особого внимания и отношения, как обладающая специфическими характеристиками, отличающимися ее от взрослого человека.

В качестве центральной проблемы, связанной с понятием «интересы ребенка» я хотела бы еще раз обозначить парадокс их универсальности (особые «интересы» есть у всех детей) и одновременно

27

1 Комитет по правам ребенка (CRC) — подразделение ООН, ответственное за обеспечение возможности детей использовать права человека. Это состав независимых экспертов, которые отслеживают применение Конвенции по правам ребенка. Заседания комитета проходят в Женеве.

2 Замечание общего порядка № 14 (2013) о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов. 29 мая 2013. CRC /C/GC/14.

индивидуальности (свои «интересы» есть у каждого ребенка). Это напряжение между универсально-важным и сугубо личным открывает пространство для интерпретаций и манипуляций относительно того, что значит действовать «в интересах ребенка». Таким образом, внимание с понятия как такового может быть смещено в сторону прагматики его употребления, совмещенной с *действием* кого-либо в «интересах ребенка» — в том числе и с действием ребенка в его собственных интересах.

Мнение ребенка или интересы ребенка?

Для дальнейшего разговора об участии взрослых и детей в действиях по защите «интересов» последних, представляется полезным разделить понятия «мнение ребенка» и «интересы ребенка». Что делать, если мнение ребенка отличается от его «интересов», как их определили взрослые?¹

28

Действительно, оба этих понятия в обыденной речи часто становятся синонимами, однако в практике защиты детства они могут сближаться, а иногда становиться полными противоположностями друг другу². Причины, по которым «мнение» и «интересы» ребенка могут не совпадать, имеют отношение к более широким политическим контекстам и культурным представлениям о месте детей в обществе. Определение «интересов ребенка» делается именно взрослыми потому, что дети представляются социально некомпетентными, то есть могут иметь «мнение», но не осознавать свои «ин-

1 Во время моей полевой этнографической работы, которую я проводила в органах опеки и попечительства, сотрудница прокуратуры рассказала случай из практики, проводящий четкую границу между «мнением» и «интересами» ребенка. Социальные службы забрали из семьи детей 5 и 7 лет в крайнем истощении. Пока мама была в глубоком запое, от голода дети ели опавшие с деревьев листья во дворе дома, где их и заметили прохожие. Участвовавшая в рассмотрении этого дела прокурор посетила приют, куда отвезли детей. Оба ребенка в слезах просили вернуть их домой к маме и говорили о том, как любят ее. Для молодой девушки, представителя государственной власти, эти слова о нежной любви к матери были шокирующим «мнением» детей, в то время как их «интересы» заключались в нахождении подальше от дома.

2 На сайте службы защиты детей Финляндии можно прочесть следующее: «Обеспечение интересов ребенка не обязательно означает, что решения всегда принимаются так, как хотелось бы ребенку или его родителям. Мнение ребенка важно при оценке наилучшего обеспечения его интересов, но мнение ребенка и действия в обеспечении его интересов не обязательно совпадают». <https://www.lastensuojelu.info/ru/pravovaya-osnova-zashchity-detey/samoye-glavnoye-interesy-rebenka/> (дата доступа: 18.02.2024)

тересы». Социальная компетентность ребенка, в свою очередь, в разных культурах складывается из представлений взрослых о том, что ребенок может делать, решать и даже чувствовать к тому или иному возрасту. Эти представления изменяются во времени и колеблются по крайней мере со второй половины XX в., в диапазоне между убеждением в том, что взрослые лучше знают, как поступить в «интересах» детей (патернализм), и тем, что дети должны быть наделены возможностью принимать решения и нести ответственность за их последствия (либерализм) [Hanson 2012].

Патернализм как определенная система взглядов на ребенка рассматривает последнего как личность в период становления. Дети оказываются неполноценными участниками социальной жизни, которые неспособны принимать правильные решения и обеспечить себе должную защиту. С позиции патернализма, основные «интересы ребенка» должны быть оценены и защищены взрослыми ради его будущего. Противоположный патерналистскому подход к определению прав детей — это равноправие (*liberation*)¹. Ребенок с точки зрения такого подхода является полноправной личностью, важным становится не его потенциальное будущее, а самостоятельные решения и мнение в настоящем. Сторонники равноправия говорят о том, что дети компетентны в той же степени, в какой компетентны взрослые, и не имеют специфических «интересов», отличных от взрослых.

29

Между двумя полюсами этих радикальных подходов к правам детей существуют менее жесткие позиции, где ребенок рассматривается одновременно и как развивающийся, и как состоявшийся участник общественной жизни. В рамках позиции с фокусом на благополучии детей (*welfare*) последние считаются в целом еще некомпетентными, но в отдельных случаях и при наличии доказательств ребенка могут признать способным сформулировать и отстаивать свое мнение. Дети с точки зрения благополучия обладают полным набором обозначенных прав: у них есть право на защиту, право на блага, право на участие. В «интересах ребенка» оказывается прежде всего вопрос его личной безопасности, а уже потом участия и права повлиять на решение взрослых относительно его судьбы.

Еще один подход к правам ребенка — эмансипация (*emancipation*) — рассматривает ребенка как цельную личность, а детство как процесс становления. Однако если в случае «подхода благополу-

1 Для описания такого подхода используется тот же опорный термин, что и в определении сексуальной революции как «sexual liberation»: «освобождение» от неких стереотипных представлений.

чия» дети считаются компетентными только при наличии доказательств, то сторонники этого подхода признают детей полноценными социальными агентами. С точки зрения эмансипации право ребенка на участие и мнение считается даже более важным, чем право на блага и защиту. «Интересы ребенка», таким образом, должны формироваться и высказываться самим ребенком.

Эти подходы к обеспечению прав детей, сформировавшиеся в процессе применения Конвенции по правам ребенка, отражают конкретные культурные и правоприменительные практики в разных странах-участницах и помогают определить конвенциональные представления конкретного общества о том, насколько ребенок имеет право участия в принятии действий в защиту «своих» интересов, а когда взрослые должны лишь вынести решение о его судьбе самостоятельно.

Нормализация детства: стандарт и отклонения

30

Большое разнообразие практик в воспитании и уходе за ребенком, а также представлений о детском благополучии — трудный контекст как для международного правоприменения, так и для государственного управления. Сведение представлений о детском благополучии к более или менее единым образцам тесно связано с процессами «нормализации» детства в западных культурах. Эпоха Просвещения создала единое культурное пространство Европы XVIII века, что во многом повлияло на локальные представления о детстве, изменив взгляд на ребенка и сформировав новые стили воспитания. В контексте политических изменений национальных государств Европы стала появляться и забота о человеческих ресурсах, обеспечивающих стабильное развитие стран. Забота о качестве и численности населения требовала и заботы о детях, понимаемых теперь как будущее государства и человеческий ресурс.

Британский социолог Николас Роуз в своей книге *Governing the Soul*, посвященной связи экспертного мнения психологов и государственной власти, дает исторический обзор появления системы заботы о детях и нормализации детского периода жизни в Англии, Франции и ряде других стран Европы [Rose 1999]. Под процессом «нормализации» Роуз понимает закрепленные политической властью стереотипы о «нормах», выработанных с опорой на экспертное мнение (врачей, психологов, педагогов и экспертов в других гуманитарных областях). Медицина и медико-гигиеническая пропаганда в XIX веке позволили экспертам разработать комплекс норм и предписаний, касающихся условий воспитания здоровых детей, а также изложить в медицинских терминах нравственную про-

блематику [Rose 1999: 130]. Теперь забота о детях могла измеряться в «объективных» категориях здоровья, чистоты и исполнения рекомендаций врачей и государственных служащих.

Кроме медицинской пропаганды, мощное влияние на понимание особенных потребностей и «интересов» ребенка в XX веке оказала психология развития, основными теоретиками которой стали Ж. Пиаже и Л. Колберг. Выделяемые в психологии развития основные составляющие — физическое, социальное, языковое, когнитивное, нравственное и эмоциональное развитие ребенка — повлияли на параметры оценки хорошего родительства и заботы о ребенке, а также позволили установить критерии «нормального развития» для разных возрастов [Маккарти, Эдвардс 2018]. Также развивающаяся в течение XX века система обязательного школьного образования помогла закрепить параметры развития ребенка через систему школьных классов, формируемых на основе возраста. Таким образом, отклонения от стандартизированных возрастных компетенций, сконструированных в рамках психологии развития, позволяли экспертам, работающим с детьми, выявлять отклонения от закреплённой «нормы». Благодаря установившимся связям между нормами детства и образами семейной жизни в глобальной правозащитной практике стали формироваться эксплицитные критерии для оценки благополучного детства и «интересов ребенка» в западных обществах, которые стали общепринятыми вследствие принятия таких документов, как Конвенция о правах ребенка, нередко подвергающаяся критике за свои европоцентричные установки [Kagitcibasi 2007]¹.

31

Процесс нормализации детства (который происходит как через определенные стратегии государства, так и через передаваемый культурный опыт) тесно связан с политическим контекстом. Можно говорить о том, что чем интенсивнее происходит процесс идеологической нормализации детства, тем конкретнее становятся «интересы ребенка». Это понятие неожиданно становится откры-

1 Особенно остро этот вопрос стоит в отношении заключения ранних браков и использования детского труда. Так, ранние браки являются традиционной практикой в культурах Южной, Юго-Восточной, Западной Азии, Латинской Америки, Океании. Лидером по количеству ранних браков является Индия, где ранние браки запрещены законом, однако поддерживаются местными общинами, в том числе мусульманскими (<https://www.unicef-irc.org/publications/pdf/digest7e.pdf>). Использование детского труда также характерно для стран с менее развитой экономикой. Детский труд распространен в странах Африки и Латинской Америки, Индии. Обзор отношений к детскому труду с позиции культурного релятивизма дает Мишель Д'Аволио: D'Avolio M. (2004) Child labor and cultural relativism: From 19th century America to 21st century Nepal. *Pace. Int'l L. Rev.*

тым для точного определения в текущем политическом контексте. При наличии доминирующей в государстве идеологии «интересы ребенка» кажутся весьма конкретными — достаточно вспомнить идеального пионера или ребенка французской аристократической семьи XVIII века, где идеал детства начинает определять индивидуальные практики воспитания и ухода за ребенком.

Критика понятия и его альтернативы

По всей видимости, именно международная практика применения прав человека породила большую часть критических исследований понятия и принципа «интересов ребенка», имеющих двойственный характер универсальности и индивидуальности.

Рефлексивно подходить к определению того, что является «хорошим» или «плохим» для ребенка, предлагают авторы сборника под редакцией Майкла Кинга, который фокусируется на проблемах моральных суждений и морализаторства в сфере защиты детства [King 1999]. Авторы сборника разделяют взгляд на сосуществование множества моральных систем в противовес представлению об «универсальной» морали и, соответственно, представлению об абсолютном благе для ребенка. Как и другие моральные суждения, принцип обеспечения «интересов ребенка» неотделим от эпистемологических и моральных предпосылок того участника социального взаимодействия, который использует этот принцип. Авторы, хотя прямо не призывают отказаться от самого словосочетания «интересы ребенка», обращают внимание на сложность отношений между моральным суждением, межличностной и социальной коммуникацией, а также указывают на обязанность социальных институтов предпринимать активные (в том числе риторические) действия, реагируя на чувствительные моральные проблемы. Каждый из участников социального взаимодействия видоизменяет понятия о благе и вреде для ребенка под свои собственные представления о морали и справедливости.

Еще одна линия критики принципа «интересов ребенка» связана с его бессодержательным характером, который лишь скрепляет договоренности взрослых между собой и относительно своих собственных интересов. Кристин Пайпер в статье «Предположения о наилучших интересах детей» объясняет, как социальные учреждения в сфере защиты детства, во-первых, некритически используют ставшие шаблонами принципы (в том числе принцип наилучшего обеспечения «интересов ребенка»), а во-вторых, реагируют на сообщения только в той мере, в какой этого требуют их полномочия, и только способами, которые «вписываются» в правовые коммуникации. Другими словами, сотрудники выполняют свою

работу «формально», в то время как многие исследователи детства и социальной работы с семьями настаивают на вовлеченности и «искренней» работе с детским неблагополучием [Piper 2000].

Аналогичным образом сотрудники системы защиты детства договариваются с родителями, оставляя за пределами внимания детей. Ева Рирстедт в фокус своего исследовательского внимания помещает медиацию в шведской системе защиты детства — процесса семейных переговоров с участием социальных работников, которые должны помочь в ситуации развода родителей сделать их расставание комфортным в том числе и для ребенка. Однако в результате наблюдения исследовательница приходит к выводу, что вместо процедуры медиации, которая должна учитывать интересы всех сторон, в том числе ребенка, переговоры превращаются в обычный диалог взрослых между собой: социальные работники и родители в разводе просто договариваются о том, как будет удобно взаимодействовать именно им [Ryrstedt 2012].

Более фундаментальной критике понятие и принцип «интересов ребенка» подвергся в ряде работ исследователей, призывающих уравнивать права детей и взрослых, что соотносится с принципом эмансипации, описанным выше. Авторы, работающие в этом направлении, выступают с резкой критикой понятия «интересы ребенка» как концепта, заведомо нарушающего равные права каждого индивида [Cohen 1980; Harris 1982; Houlgate 1979]. Озабоченность специфическими «интересами ребенка», по мнению некоторых исследователей, лишь мистифицирует сам процесс защиты детских прав. Именно в этой линии дискуссии особенно четко обозначается порядок реализации прав детей, когда безопасность ребенка и его право на высказывание вступают в конфликт между собой [Archard 2003; Smeyers 2010]. Так, например, Розалинда Диксон и Марта Нуссбаум критически подходят к определению приоритетности прав детей. Если исходить из общих принципов равенства, отмечают авторы, которые в том числе основаны на необходимости обеспечить самостоятельность детей, идея об их особой уязвимости и невинности может мешать реальному исполнению принципа всеобщего равенства. Поскольку каждый человек, согласно подходу, основанному на возможностях, имеет право на уважение своего человеческого достоинства, утверждается, что имеет смысл признать ряд прав детей с учетом как потребностей в их социальном обеспечении, так и их воли. Особая уязвимость детей означает, что они не являются «свободными, равными и независимыми агентами модели общественного договора» [Dixon, Nussbaum 2012]. Социолог Йенс Квортруп, критикуя озабоченность «особым» детским миром, развенчивает идею о существовании отличных от общечеловеческих «интересов» ребенка: «Дети — это человеческие существа (*be-*

ings), а не только “человеческие становления” (*becomings*); у них есть не только потребности, наличие которых признается, но и интересы, которые могут совмещаться, а могут и не совмещаться с интересами других социальных групп или категорий, и они могут быть подвержены воздействию общественных сил так же, как любые другие группы, слои или классы» [Qvotrup 1994: 18]¹.

В свою очередь, идея об уравнивании прав детей и взрослых породила дискуссию как в научной среде, так и в публичном поле. Лора Парди в книге «В чьих наилучших интересах? Дело против равных прав детей» утверждает, что хотя права детей в существующем виде не отвечают «наилучшим интересам ни общества, ни отдельных детей», полное уравнивание прав детей и взрослых невозможно, если следовать теории морали [Purdy 1992]. Джонатан Херринг также оспаривает идею стереть границу между правами детей и взрослых. Согласно его взгляду, выделение особых «интересов ребенка» не является продуктивным, но благополучие ребенка все еще должно быть первостепенным ориентиром для суда при разрешении споров о воспитании детей. Этот принцип имеет важное символическое значение, как бы посылая сообщение об особой ценности и уязвимости детей [Herring 2005]. Действительно, «уязвимость» и «интересы ребенка» оказываются тесно связаны между собой. Принцип «наилучшего обеспечения интересов ребенка» был в значительной степени исследован применительно к детям, находящимся в уязвимом положении — пострадавшим от военных действий, миграции или семейного неблагополучия. Такие дети и их семьи зависят от поддержки и защиты государственных органов или благотворительных фондов — именно для действия этих организаций вопрос об обеспечении интересов ребенка является центральным.

Другой путь, предложенный исследователями, предлагал замену «интересов ребенка» понятием или принципом, который бы служил руководством к конкретному действию, а не к спекуляции со стороны взрослых. Джон Элстер в статье с ярким названием «Соломоновы решения: вопреки наилучшим интересам ребенка» рассматривает возможные альтернативы этому принципу в ситуации развода, когда решение, с кем из родителей следует остаться ребенку, вызывает особенно много противоречий и практических сложностей. Автор предлагает три альтернативы: сильная материнская презумпция, которая компенсирует слабое положение женщин в ситуации развода, презумпция основного опекуна и даже случайное принятие решений, которое автор определяет в мета-

1 Перевод взят из статьи А. Серебрякова [Серебряков 2022: 41].

форе «подброшенной монеты». Однако, как отмечает Элстер, общей чертой любых судебных разбирательств в «интересах ребенка» является всепроникающая неопределенность в отношении будущих последствий принимаемых решений. Автор даже предлагает вступающим в брак парам обеспечить возможность связать себя той или иной процедурой опеки на случай, если они позже решат развестись и окажутся неспособными договориться в вопросе воспитания детей, — это позволило бы минимизировать процедуру сложных переговоров о том, что действительно является действием «в интересах ребенка» [Elster 1987].

В свою очередь, сборник статей под редакцией Джозефа Гольдштейна, Альберта Дж. Солнита, Сони Гольдштейн и Анны Фрейд (первые тексты из которого публикуются еще в 1973 г.) призывает отказаться от принципа «интересов ребенка» в пользу принципа «наименее пагубной альтернативы». Для авторов было важно подчеркнуть принципиально негативный характер любого совершаемого действия в «интересах ребенка» в ситуации вмешательства социальных служб [Goldstein et al. 1996]. Любое из них будет однозначно травмирующим для ребенка, и взрослым остается лишь выбрать между плохим и очень плохим вариантом. Проблемы нарушения семейной автономии, а также негативного характера любого вмешательства в жизнь семьи при обеспечении «интересов ребенка» остаются валидной темой для исследований в статьях современных авторов [Ainsworth, Hansen 2009; Sempek, Woody 2010].

35

Контекстуализируя детство: социальные науки

Вопрос о том, чем именно являются «интересы ребенка», нужно ли их определять или же возводить в принцип, можно поместить и в более широкий контекст исследований детства. В этом смысле само понятие «интересов ребенка», хотя и возникшее в правовом поле, но тесно связанное с детством, не дает построить устойчивые дисциплинарные границы. Вместо поиска определения понятия «интересов ребенка» или его альтернативы, некоторые важные вехи в исследованиях детства как такового позволяют сместить фокус внимания с самого определения на те контексты, которые позволяют определить «интересы» и прагматику их использования. Как уже было отмечено выше, «интересы ребенка» попадают в сферу «естественных» представлений о детстве, которые связаны с тем или иным пониманием детского благополучия. Однако в свете социальных наук «благополучие» само по себе оказывается категорией, связанной с историческим периодом, социальными нормами и предписаниями культуры — то есть выступает как сконструированный феномен.

В первую очередь следует отметить важный вклад исследователей-историков в осмысление детства как продукта конкретного времени. Культурная и социальная история детства помогает проследить зависимость «интересов ребенка» от конкретной эпохи и принятых дискурсах относительно детства и детей [Ennew 2000]. Ученые заинтересовались темой «историзации» детства в 1960 году с выходом книги Филиппа Арьеса «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке» [Арьес 1999 (1960)], где автор демонстрирует сконструированное в определенный момент времени представление о детстве как особом, отдельном периоде жизни со своими характеристиками. Что касается исторических изысканий относительно «интересов ребенка», детально на «подвижном» характере этого понятия останавливается Ольга Гнидюк, чья работа посвящена архивному исследованию документов чиновников детского центра беженцев во время Второй мировой войны. На материале архивных решений относительно судьбы того или иного ребенка, оказавшегося в центре беженцев, демонстрируется постепенное изменение действий чиновников при общем руководстве принципами «интересов ребенка». Если в военные годы и короткий период после они были склонны определять главный «интерес» детей-беженцев из Украины в том, чтобы вернуться в свою страну, то с усилением политического напряжения между Советским Союзом и западными странами в конце 1940-х гг. сотрудники стали понимать под «интересами ребенка» переезд в другую страну и поиск новых приемных родителей-иностранцев, а не репатриацию [Gnydiuk 2021].

Социологические исследования детства начались позже исторических, что связано с постепенной переориентацией на понимание ребенка как полноценного социального актора. Социологический интерес к детству в том числе связан и с разработкой Конвенции по правам ребенка, которая, как уже было отмечено, наделяла несовершеннолетних граждан собственными правами и позволила юридически выделить детей в отдельную социальную группу. В 1990 году авторы сборника «Конструкция и реконструкция детства» под редакцией Э. Джеймса и А. Праута [James, Prout 1990] обозначили ребенка как социального актора, непосредственно участвующего в формировании структуры общества, а детство было представлено в виде исторически изменчивого социального конструкта¹. Среди прочих текстов сборника, статья Джо Бойдена «Детство и политики: сравнительный взгляд на глобализацию детства» критически анализирует разработку глобального стандарта социального обес-

1 В данном номере можно найти перевод «Манифеста новой социологии детства» под авторством этих исследователей.

печения с точки зрения концепций релятивизма и универсализма [Boyden 1997].

Детство, а вместе с ним и «интересы ребенка» оказываются зависимы также от конкретной культуры. Еще при обсуждении Конвенции о правах ребенка некоторые вопросы не могли быть решены путем общего соглашения из-за различных культурных представлений о детстве стран-участниц, например, о ранних браках, женском обрезании и телесных наказаниях. Многочисленные этнографические исследования свидетельствуют о большом разнообразии определений и представлений о детстве, а также о различных ролях и ожиданиях, возлагаемых на детей в зависимости от культуры их социализации.

В 1920-х гг. культурный антрополог Маргарет Мид проследила связь индивидуального характера ребенка со спецификой культуры и стилем воспитания. Результатом исследования стала классическая книга «Взросление на Самоа» [Мид 1988 (1928)]. В своей книге Мид показывает, как детство обретает культурно-специфические черты через сравнение стилей воспитания и отношения к детству на Самоа и в США. С 1960-х годов появились кросс-культурные исследования, сфокусированные на разнообразии стилей воспитания детей [Whiting 1963]. В конце 1970-х гг. появляются работы антрополога Джилл Корбин, которые указывают на неоднозначную связь между правами детей и культурными особенностями в ситуации физического наказания. Дж. Корбин утверждает, что жестокое обращение с детьми определяется зависящими от культурного контекста методами воспитания или степенью общественного порицания насилия в конкретном сообществе. Межкультурные исследования жестокого обращения, подчеркивает Корбин, также показывают, что некоторые категории детей — например, больные дети, девочки, незаконнорожденные или те, кто родился в условиях тяжелых социально-экономических изменений, во многих странах чаще подвергаются жестокому обращению [Korbin 1977, 1980, 1987]. То, что маркируется как «насилие» по отношению к ребенку и предполагает однозначную трактовку, начинает распадаться на множество культурных практик, противоречащих западной модели прав ребенка.

Таким образом, благодаря исследованиям в области социальных наук основные аспекты воспитания детей, которые понимались как непеременимое следствие человеческой природы, оказывались обусловлены стилем воспитания и специфическими особенностями. Взгляды на детей как на компетентных или некомпетентных социальных агентов могли наличествовать в конкретную эпоху и отсутствовать в другую. Изоморфным этим социальным контекстам становились и понятия о детском благополучии, благе и вреде

для ребенка, обязанностях родителей, а также наполнение понятия «интересов ребенка» и его возникновение как таковое.

«Интересы ребенка» в российском контексте

Помимо международной Конвенции о правах ребенка, в России основным документом, который устанавливает и регулирует законные «интересы ребенка», является закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»¹. В нем рассматриваются случаи применения или нарушения законных интересов ребенка, однако четкого объяснения таких «интересов» в документе нет: они косвенно понимаются через права ребенка на развитие и получение образования, имущественные права, а также через формулирование родительских обязанностей. Кроме того, существует постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об установлении усыновления», где в п. 14 указано: «Судам надлежит иметь в виду, что под интересами ребенка, <...>, следует понимать обеспечение условий, необходимых для его полноценного физического, психического и духовного развития»².

38

Упоминание «интересов ребенка» присутствует в таком важном документе, регулирующем семейную жизнь в России, как Семейный кодекс: «Родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей. Обеспечение интересов детей должно быть предметом основной заботы их родителей. При осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию. Способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей. Родители, осуществляющие родительские права в ущерб правам и интересам детей, несут ответственность в установленном законом порядке»³. Таким образом, «интересы ребенка» здесь определяются апофатически через родительские обязанности и их нарушение/пренебрежение ими. Федеральный закон «Об опеке и попечительстве» № 48-

1 Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 № 124-ФЗ.

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.04.2006 № 8 (ред. от 17.12.2013) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей».

3 Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020). Ст. 65. Осуществление родительских прав.

ФЗ, который регулирует деятельность органов опеки на территории Санкт-Петербурга, также не дает определения «интересов»¹.

Само изучение понятия «интересов ребенка» в российской научной литературе отводилось и до сих пор преимущественно принадлежит тем, кто непосредственно работает в системе защиты детства: юристам, педагогам, социальным работникам. Такие исследования сосредотачивают свое внимание на профессиональных аспектах применения понятия «интересы ребенка» — например, на конкретных методиках, советах по внедрению государственных программ и стратегий, соотносению практики и принятых положений Конвенции о правах ребенка. В свою очередь, отечественные исследователи также пытаются добиться гибкого определения «интересов ребенка», которые характеризуются не столько заданным набором условий детского благополучия, сколько самим понятием «интереса» в качестве охраняемых государством *потребностей* ребенка и его *стремления* к обладанию определенным благом, представляющим для него ценность, и которое возникает в конкретной социальной среде [Миролюбова 2012: 58].

Тем не менее в контексте современной социальной политики можно говорить о все более явном сдвиге в сторону патерналистского осуществления прав детей, в том числе и на примере понятия «интересов ребенка». Предложенные депутатами элементы «интересов детей» в виде семейного воспитания «в традиционных ценностях» предполагают соподчинение этих «интересов» не в контексте индивидуальных желаний или безопасности ребенка вне зависимости от связи с семьей, а, напротив, зависимости «интересов ребенка» от взрослых — родителей, родственников, и, шире, государства-родителя². Если исследования и практика обеспечения «наилучших интересов ребенка» в западной парадигме склоняется в сторону принципиальной невозможности их определения и в центр внимания ставят фигуру ребенка, то в случае патерналистской модели современной России ребенок мыслится как часть семьи, которая оказывается более значимой единицей.

Движение в сторону патернализма также можно обнаружить в изменении названия государственных стратегий в сфере детства. Так, с 2012 по 2017 год в России действовала «Национальная страте-

1 Федеральный закон «Об опеке и попечительстве» от 24.04.2008 № 48-ФЗ.

2 Хотя в российском праве не используется понятие «*parens patriae*», «государство-отец», значимое в западных государствах при обсуждении защиты детей, его смысл выражается в практиках российской системы защиты детства.

гия действий в интересах детей на 2012–2017 годы»¹. В тексте документа содержатся указания на Стратегию Совета Европы по защите прав ребенка, учитываются ее положения, а ключевые пункты ориентируются на риторику Конвенции о правах ребенка. После окончания действия данной стратегии в 2017 году новая была принята лишь в марте 2023 года под названием «Стратегия комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года»². Очевидно, что наименование стратегии смещает фокус внимания с «интересов ребенка» как индивидуальности на безопасность детей как группы, которую защищает и оберегает от негативного влияния государство-родитель.

В этом смысле, как уже было отмечено, попытка утвердить более четкое определение интересов ребенка со стороны инициативной группы депутатов Государственной думы кажется последовательным шагом в области правоприменения, который на сегодняшний день подкрепляется как движением государственной политики в сторону «традиционных ценностей», так и особым вниманием к детям во время политических конфликтов.

40

«Рационализированный миф»: почему и зачем нужны «интересы ребенка»

Филипп Алстон в работе «Наилучшие интересы ребенка» отмечает важный политический аспект понятия и принципа этого понятия, который не позволяет легко отказаться от него на практике. Алстон говорит о том, что современные современные государства стремятся соответствовать стандартам в области прав человека [Alston 1994]. В этом смысле иметь в правовом поле и дискурсивном арсенале «интересы ребенка» — значит быть современным и рациональным государством, которое с особым вниманием заботится о подрастающем поколении.

Я предполагаю, что «интересы ребенка» могут быть осмыслены в качестве «рационализированного мифа» — понятия, предложенного Дж. Мейером и Б. Роуэном применительно к анализу устройства организаций [Мейер, Роуэн 2011 (1977)].

Рационализированные мифы возникают из институциональных правил, которые организации встраивают в себя и за счет этого обретают легитимность, ресурсы, стабильность и увеличивают свои

1 Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы (утв. Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761).

2 Стратегия комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Указом Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358).

шансы на выживание. Формальные структуры создаются не только *внутри* какой-либо организации на основе инструкций, положений и кодексов. В современных обществах, отмечают Дж. Мейер и Б. Роуэн, элементы формальной структуры глубоко интегрированы в широко распространенные представления о социальной реальности и отражают эти представления — то есть становятся истинами на уровне «здорового смысла» и приходят в организации *извне*. Авторы понятия приводят пример — по мере того как возникают проблемы безопасности и загрязнения окружающей среды, а соответствующие профессии и программы институционализируются в законах, профсоюзных идеологиях и общественном мнении, организации под общественным давлением встраивают в себя нужные элементы структуры — отделы по охране природы, нанимают специалистов-экологов и пр. [Там же: 49]. Многие стратегии, программы и процедуры современных организаций навязываются общественным мнением и мнением ключевых контрагентов; знанием, легитимированным системой образования; социальным престижем; законами, используемыми в судах [Там же: 47]. Иногда такие мифы могут идти вразрез с реальной деятельностью организации, но необходимы ей же для поддержания иллюзии рационального управления.

41

Чем же предложенное понятие для изучения структур организаций поможет в осмыслении «интересов ребенка»? На мой взгляд, в случае «интересов ребенка» это трудноопределяемое понятие становится рационализированным мифом, общим «правилом игры» для разговора о детстве и действиях в его отношении.

В ходе дальнейшего рассуждения следует отметить, что семья также представляет собой форму организации, которая отчасти изоморфна окружающему социальному ландшафту: семьи подстраиваются под нормы и предписания, адаптируют и присваивают лексику и логику государственных институтов, чтобы вести переговоры относительно своей собственной легитимности¹.

1 Процесс нормализации детства способствует укреплению представлений о «правильном детстве» и соблюдению «интересов ребенка» в конкретной семье. При соотношении семейных практик с нормами и предписаниями общества важную роль играет понятие «семейного дисплея», предложенное социологом Джанет Финч [Finch 2007]. Понятие «семейного дисплея» развивает идею производства семейных практик, ориентированных на их оценку внешним наблюдателем. Соответственно, можно говорить о семье как о наборе «практик», демонстрируемых наблюдателю, и который может быть оценен как ближе или дальше отстоящий от представления о соблюдении «интересов ребенка» в конкретном обществе.

В качестве основных характеристик рационализированного мифа можно выделить несколько, которые будут продуктивны при рассмотрении «интересов ребенка». В современных обществах мифы, отмечают авторы, имеют два ключевых свойства: являясь рационализированными и безличными, они превращают социальные цели в задачи организации и задают выбор средств, подходящих для выполнения этой задачи [Мейер, Роуэн 2011: 47]. Семья, таким образом, обязана преследовать рационализированную задачу соблюдения и обеспечения прав ребенка, сохранности его жизни и здоровья. В то же время существуют и государственные служащие, которые с помощью определенных технологий — посредством полномочий и законодательной базы — контролируют соответствующие рационализированному мифу практики родителей при исполнении этой задачи.

42

«Строительные блоки» рационализированных мифов раскиданы по широкому полю социального ландшафта: они вырастают из принятых политических дискурсов, навязываются общественным мнением, экспертным сообществом, законами. Мифы начинают функционировать как рационализированные, навязывая свое использование вне зависимости от того, нуждается ли в них конкретная организация или нет. Действительно, спустя несколько десятилетий после принятия Конвенции по правам ребенка, распространения дискурса о правах человека и принятия в язык официальных документов понятия «интересы ребенка», они стали частью социального ландшафта и способом разговаривать о детском благополучии. Умение сослаться на обеспечение «интересов ребенка» в судебной практике, а также сама инициатива по их определению помогает той или иной организации — будь то детский приют, семья, суд или группа депутатов — легитимировать свои действия и поддерживать стабильность за счет внедрения понятия «интересов ребенка».

Внедрение в организацию новых отделов — например, отдела кадров — помогает организации не отставать от конкурентов, а также избежать обвинений в халатности. Так, каждый сотрудник проходит через сито кадровых специалистов, что делает подбор персонала рациональным процессом. «Интересы ребенка» также внедряются участниками при конфликте в отношении детей — в частности, когда необходимо объяснить «халатность» в отношении ребенка¹. Авторы понятия одной из причин возникновения

1 Можно говорить о том, что «интересы ребенка» как рационализированный миф поддается экспликации всегда постфактум, то есть в тех ситуациях, когда действие в отношении ребенка совершено и требует рационализации.

мифов также выделяют конфликты, возникающие на границах организаций. Эти уязвимые точки на границах организаций и групп вынуждают последние встраивать в себя определенные структурные элементы для управления взаимосвязями. Таким же образом «интересы ребенка» встраиваются организациями — от семьи до государства — при конфликтах на границах полей своей автономии.

Однако наиболее привлекательным аспектом рационализированных мифов с точки зрения использования «интересов ребенка» становится отсылка к рациональности. Нерациональность — главный страх при обсуждении вопросов воспитания, «интересов» и прав детей, которые сами являются нерациональными социальными агентами в патерналистском подходе к их правам. Взрослые же интерпретируют свои действия как «рациональные» исходя из «интересов ребенка». Неспособность в случае конфликта встроить «интересы ребенка» как надлежащего элемента структуры в рационализацию своих действий квалифицируется как нерациональность. Хотя сами по себе «интересы ребенка» являются мифом, они все же вносят некоторое рационализированное спокойствие и структурируют действия отдельных индивидов — в этом я вижу устойчивость данного понятия и трудности отказа от него вне зависимости от социально-политического контекста.

43

Заключение

Сторонники конструктивистского подхода к исследованиям детства утверждают, что, хотя представления о детском действительно определяются социальным и историческим контекстом, сами процессы по переопределению «детского» и «взрослого» носят универсальный характер [Qvortrup et al. 2009]. Я предполагаю, дебаты относительно понятия «интересы ребенка» наследуют этот универсальный характер, так как определение того, в чем именно они заключаются, — еще один способ провести границу между детским и взрослым миром.

Мы рассмотрели, как «интересы ребенка», возникшие в области прав человека, вызывали как одобрение, так и критику, стандартизировались через процессы нормализации детства, дополнялись и уточнялись в области социальных исследований, однако так и не были отброшены как несостоятельные понятие и принцип. В определенный момент вопросы о том, что именно представляют из себя «интересы ребенка» и возможно ли обойтись без этого принципа, становятся нерелевантными — «интересы ребенка» трансформируются в рационализированный миф, который обеспечивает функционирование сразу нескольких социальных институтов —

от государственных агентов до маленькой семьи. Все вместе и каждый по-своему, взрослые действуют в «интересах ребенка», подставляя свои переменные внутрь этого понятия, которое позволяет легитимировать действия через авторитет рационализированного мифа. Хотя действия в «интересах ребенка» вызывают дискуссии в научном и практическом поле, полный отказ от использования этого понятия представляется болезненным — слишком многим участникам социальных процессов нужен этот рационализированный миф, помогающий латать дыры между действиями, их причинами и возможными последствиями.

Нельзя не отметить, что законопроект о закреплении понятия «интересов ребенка» связан как с наметившимся в последнее десятилетие консервативным поворотом в социальной политике России, так и с пересмотром политической элиты отношений с западными культурными ценностями, которые на данный момент подвергаются критике. Можно говорить о том, что в законопроекте оказывается важной не столько работа по перечислению составляющих «интересов» в рамках консервативной риторики, сколько сам жест по их определению — ведь многолетние дебаты среди западных исследователей приводят нас к невозможности их определения в принципе. «Интересы ребенка» выступают своего рода идеологическим прищельцем, тесно связанным с дискурсом о правах человека и Конвенцией о правах ребенка, которую все меньше стараются упоминать в судебной практике и которая теряет свой вес в российском публичном поле. Хотя в тексте Конвенции особое внимание уделяется практикам и традициям культуры, в которой растет ребенок, на практике этого оказывается недостаточно и требуется уточнение на уровне отдельных государств. Так, по мнению политиков, «традиционные духовные ценности» в контексте современной России по многим вопросам не могут быть адекватны тем ценностям и принципам, которые устанавливает Конвенция о правах ребенка и рекомендации по ее применению.

Таким образом, выступать с уточнением понятия «интересы ребенка» в современной России — значит отмечать принципиальный разрыв с либеральным дискурсом защиты прав детей, где соблюдение принципа обеспечения «наилучших интересов ребенка» предполагает, что его интересы могут лежать вне семейного контекста. Исчезновение «интересов ребенка» из названия государственной стратегии в сфере детства и замена их «комплексной безопасностью» подчеркивает патерналистский характер современной системы защиты прав детей в России. Во многом это отражает и более широкий политический контекст, в котором граждане имеют право на «мнение», но не способны понять, в чем на самом деле состоят их «интересы» — за эти интересы отвечают другие взрослые.

Библиография / References

Арбес Ф. (1999). *Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке*, Екатеринбург: Издательство Уральского университета.

— Aries Ph. (1999). *The Child and Family Life under The Old Regime*, Ekaterinburg: Ural University Publishing. — in Russ.

Ловцова Н. (2003) «Здоровая, благополучная семья — опора государства»? Гендерный анализ семейной социальной политики. *Журнал исследований социальной политики*, 1(3-4): 323-339.

— Lovtsova N. (2003) “A Healthy, Prosperous Family — Support of The State”? Gender Analysis of Family Social Policy. *The Journal of Social Policy Studies*, 1(3-4): 323-339. — in Russ.

Маккарти Дж. Р., Эдвардс Р. (2018) *Исследования семьи: основные понятия*, М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

— McCarthy J. R., Edwards R. (2018) *Key Concepts in Family Studies*, М.: Publishing House of the Higher School of Economics. — in Russ.

Мейер Дж., Роуэн Б. (2011) Институционализированные организации: формальная структура как миф и церемониал. *Экономическая социология*, 12 (1): 43-67. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2011-1-43-67>

— Meyer J. W., Rowan B. (2011) Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony. *Economic Sociology*, 12 (1): 43-67. — in Russ.

Мид М. (1988) *Культура и мир детства: избранные произведения*, М.: Наука.

— Mead M. (1988) *Culture and The World of Childhood: Selected Works*, М.: Nauka. — in Russ.

Миролюбова О. (2012) О семейно-правовом понятии «интересы ребенка». *Вестник Ярославского государственного университета. Серия Гуманитарные науки*, 4: 56-58.

— Mirolyubova O. (2012) About The Family Legal Concept of “The Interests of The Child”. *Bulletin of the Yaroslavl State University. Humanities Series*, 4: 56-58. — in Russ.

Российская семья и благополучие детей (2021). Отв. ред. И. И. Елисеева, М.: ФНИСЦ РАН.

— Russian Family and Children Well-Being (2021). Ed. I. Eliseeva, М.: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science. — in Russ.

Archard D. (2003) *Children, Family, and The State*, L.: Routledge.

Alston P. (1994) The Best Interests Principle: Towards a Reconciliation of Culture and Human Rights. *International Journal of Law, Policy and the Family*, 8(1): 1-25. <https://doi.org/10.1093/lawfam/8.1.1>

Ainsworth F., Hansen P. (2009) The “Best Interests of The Child” Thesis: Some Thoughts from Australia. *International journal of Social Welfare*, 18(4): 431-439.

<https://doi.org/10.1111/j.1468-2397.2009.00673.x>

Boyden J. (1997) Childhood and the Policy Makers: A Comparative Perspective on The Globalization of Childhood. *Constructing and Reconstructing Childhood: Contemporary Issues in the Sociological Study of Childhood*.

- Dixon R., Nussbaum M. (2012) Children's Rights and a Capabilities Approach: The Question of Special Priority. *Cornell Law Review*, 97: 549-591. <https://scholarship.law.cornell.edu/clr/vol97/iss3/3>
- Elster J. (1987) Solomonic Judgments: Against the Best Interest of the Child. *Chicago Law Review*, 54 (1): 1-45. <https://chicagounbound.uchicago.edu/uclrev/vol54/iss1/1>
- Eekelaar J. (2002) Beyond the Welfare Principle. *Child and Family Law Quarterly*, 14(3): 237-249. <https://ssrn.com/abstract=2086558>
- Finch J. (2007) Displaying families. *Sociology*, 41(1): 65-81. <https://doi.org/10.1177/0038038507072284>
- Fortin J. (2006) Accommodating Children's Rights in a Post Human Rights Act Era. *Modern Law Review*, 69(3): 299-326. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2230.2006.00586.x>
- Gnydiuk O. (2021) Defining the "Best Interests" of Children During the Post-1945 Transformations in Europe. *Journal of Modern European History*, 19(3): 292-306. <https://doi.org/10.1177/16118944211020460>
- Goldstein J., Solnit A., Goldstein S., Freud A. (1996) *The Best Interests of the Child: The Least Detrimental Alternative*, N.-Y.: Free Press.
- Hanson K. (2012) Schools of thought in children's rights. *Children's rights from below*, (1): 63-79. http://dx.doi.org/10.1057/9780230361843_5
- Herring J. (2005) Farwell Welfare? *Journal of Social Welfare and Family Law*, 27(2): 159-171. <https://doi.org/10.1080/09649060500195989>
- James A., Prout A. (1990) *Constructing and reconstructing childhood: New directions in the sociological study of childhood*, Oxford: Routledge.
- Kagitcibasi C. (2007) *Family, Self, and Human Development Across Cultures: Theory and Applications*, Oxford: Routledge.
- King M. (ed.) (1990) *Moral Agendas for Children's Welfare*, Oxford: Routledge.
- Korbin J. (1977) Anthropological Contributions to the Study of Child Abuse. *Child Abuse & Neglect*, 1(1): 7-24. [https://doi.org/10.1016/0145-2134\(77\)90042-4](https://doi.org/10.1016/0145-2134(77)90042-4)
- Korbin J. (1980) The Cultural Context of Child Abuse and Neglect. *Child Abuse & Neglect*, 1(4): 3-13. [https://doi.org/10.1016/0145-2134\(80\)90028-9](https://doi.org/10.1016/0145-2134(80)90028-9)
- Korbin J. (1987) Child Abuse and Neglect: The Cultural Context. *The battered child*, (1): 23-41.
- Piper C. (2000) Assumptions about Children's Best Interests. *Journal of Social Welfare and Family Law*, (22): 261-276. <https://doi.org/10.1080/01418030050130176>
- Qvortrup J. (ed.) (2009) *The Palgrave handbook of childhood studies*, L.: Palgrave Macmillan.
- Rose N. (1990) *Governing the Soul: The Shaping of the Private Self*, L.: Taylor & Frances/Routledge.
- Reece H. (1996) The Paramountcy Principle: Consensus or Construct. *Current Legal Problems*, (49): 267-289. <https://doi.org/10.1093/clp/49.1.267>
- Ryrstedt E. (2012) Mediation Regarding Children: Is the Result Always in the Best Interests of the Child? A View from Sweden. *International Journal of Law, Policy and the Family*, 26(2): 220-241. <https://doi.org/10.1093/lawfam/ebs005>

Smeyers P. (2010) Child Rearing in the "Risk" Society: On the Discourse of Rights and the "Best Interests of a Child." *Educational Theory*, 3(60): 271-284.

<https://doi.org/10.1111/j.1741-5446.2010.00358.x>

Sempek A., Woody R. (2010) Family Permanence versus the Best Interests of the Child. *American Journal of Family Therapy*, 38: 433-439. <https://doi.org/10.1080/01926187.2010.522492>

Whiting B. (ed.) (1963) *Six cultures: Studies of child rearing*, N.-J.: John Wiley & Sons.

Александра А. Мартыненко — младший научный сотрудник, Лаборатория антропологической лингвистики, Институт лингвистических исследований РАН. Научные интересы: системы защиты детей, социальная работа, социальная политика. ORCID: 0000-0001-8561-3006. E-mail: amartynenko@eu.spb.ru

Alexandra A. Martynenko — junior researcher, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences. Interests: child protection systems, social work, social policy. ORCID: 0000-0001-8561-3006. E-mail: amartynenko@eu.spb.ru